

ИСТОРИИ

«Правительство решило, что потратило на медиков много денег»

Ситуация в российских больницах все хуже. Мы поговорили с врачами, которые не выдержали — и уволились из государственных клиник

14:03, 27 октября 2020 · Источник: Meduza

Фото: Павел Головкин / AP / Scanpix / LETA.

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал только тем, кому вы доверяете

Почти ежедневно в России фиксируют новые рекорды по заболеваемости коронавирусом или смертности от него. Общее число инфицированных уже превысило полтора миллиона — но кажется, что вторая волна только набирает силу. На этом фоне ситуация в российских больницах становится все хуже: медики жалуются на нехватку мест в стационарах и другие проблемы. Одной из главных проблем в регионах стала нехватка персонала, многие медики не выдерживают нагрузки в пандемию и увольняются. «Медуза» поговорила с врачами, которые ушли из государственных клиник.

Имена опрошенных медиков изменены по соображениям безопасности.

Арте́м

врач стационара, Санкт-Петербург

В стационаре я проработал с середины апреля до начала октября, устроился в отделение реабилитации терапевтом и кардиологом. Тогда мы только готовились к перепрофилированию. Тесты на коронавирус только

начинали делать, диагноз [COVID-19] почти никому не ставили. Многих пациентов даже выписывали, хотя по всем показателям у них был вирус. Через неделю [после моего выхода на работу] в терапевтическом отделении начали заболевать врачи. Из-за нехватки персонала я пошел туда закрывать вопросы.

В режиме коронавирусного стационара мы проработали три месяца. Врачи заболевали каждую неделю. 25 апреля я тоже почувствовал себя плохо и позвонил на работу. Мне предложили приехать к себе же [в больницу] и сделать КТ. Там уже собралось много коллег — моя КТ была чистой, а всех, кроме меня, госпитализировали. Меня условно поздравили и пожелали удачи — ведь я остался единственным терапевтом на отделение. Но мне было плохо, и я ушел на двухнедельный больничный. Вернулся, проработал две недели — и снова заболел. Второй раз болезнь протекала тяжелее и с пневмонией. Четыре дня я лежал у себя в отделении, а потом поехал домой. Несколько раз сдавал тесты на ковид — результаты то вообще не приходили, то отрицательные. Только тест на антитела подтвердил, что я переболел коронавирусной инфекцией.

Во время первой волны часть докторов болела очень тяжело, умирали родственники нашего медперсонала. В начале второй волны умер мой коллега. Погибали друзья друзей, знакомые коллеги в других больницах.

Но упаднического духа не могло быть. Мы понимали: риски есть, но работать надо. Хотя некоторые старались рисковать меньше и ставили себе меньше смен.

Пациенты умирали каждый день. В основном это были диабетики и лица с тяжелыми хроническими заболеваниями. Но иногда это были и молодые люди — пациенты, которые совсем не вызывали опасений. Сделать с этим, к сожалению, ничего нельзя. Остается принять и идти лечить других. Если бы я посыпал голову пеплом, то не смог бы работать. Спасало, что после дежурства сил думать не было.

Помню сильное раздражение, когда летом нам поставили некачественные российские СИЗ⁽¹⁾ из целлофана. Но были и хорошие моменты — кафе и рестораны поставляли еду. Было приятно, что о нас думают. Во время смены у врачей была одна возможность выйти в туалет и поесть. Мы все делали быстро и сменяли друг друга, но иногда мы просились друг у друга вне очереди: очень хотелось в туалет и сил терпеть не было.

Начальство наше самоизолировалось [и не появлялось в стационаре]. Большинство получили потом ордена, но у них даже антител не было. Эти люди только на бумаге принимали участие в борьбе с коронавирусом.

Самое печальное, что управленцы не учли весенний опыт. В апреле была полувоенная обстановка — не знали, как

решать вопросы. Потом опыт появился, но ошибки совершались фатальные. В конце июля мы снова стали чистой зоной, но в августе поступила пациентка, которая заразила все отделение. Всех плановых больных, которые восстанавливались после инсультов и тяжелых операций, срочно перевезли в инфекционное отделение.

Роспотребнадзор выписал штраф заведующему. Его обвинили в том, что он вовремя не перевел пациентов в инфекционное отделение. Хотя начальство свыше дало ему устный приказ этого не делать.

После этого заражения из нас решили сделать обсервацию, куда привозили всех подозрительных больных. Врачи не получали СИЗ — потому что у нас не «красная зона», и вообще «большая часть сотрудников уже болела, зачем вам СИЗ?». Руководство просило потерпеть. Количество больных не нашего профиля увеличивалось, завозили реанимационных.

Начмед⁽²⁾ начал активно пугать, что Роспотребнадзор будет штрафовать за любые ошибки. Тогда я написал заявление и ушел — сейчас прохожу собеседования в частную клинику. В стационарах дурдом. Решил, что не хочу участвовать в этом. Я не реаниматолог, и в таком режиме работать рискованно. Часть из коллег тоже хочет уволиться, но не может. Им просто некуда пойти. У некоторых ипотеки, маленькие дети. И что делать даже без такой работы, они не знают.

Я все сделал правильно: не хочу работать в условиях, где нарушают мои права. Если меня мобилизуют по повестке, пойду работать без вопросов и бесплатно. Но мы живем в цивилизованном государстве, подходы должны быть цивилизованные. Чувства, что я предал кого-то, нет. Можно подходить с идеологической точки зрения, но сейчас не та ситуация — не военное время, не объявлена чрезвычайная ситуация, формально идет обычная жизнь. Помню, как летом выходил из стационара в четыре утра подышать воздухом — а люди в бары ходят, жизнь идет своим чередом. Было немного досадно.

Люди не верили, что коронавирус существует. Как будто врачи все придумали. А сейчас странное чувство, что в 2020 году не было лета. Было ли оно? Наверно, было. Я помню только, что все началось весной, а сейчас уже осень.

В Новокузнецке морг оказался переполнен телами умерших с COVID-19. Минздрав Кузбасса объяснил, что их не забирают родственники

В подвале ковидного госпиталя на Алтае сняли на видео мешки с телами умерших. Врачи признали, что из-за роста смертности не успевают проводить вскрытия

«Реанимации полные, морг полный» В России началась вторая волна коронавируса. Медики, лечащие больных ковидом, рассказывают «Медузе», что сейчас происходит в больницах

Валерия

участковый врач, Архангельск

До коронавируса я [училась и] работала участковым врачом на полставки в поликлинике при Архангельской городской клинической больнице № 6. Когда началась пандемия, в университете нас отправили на дистанционное обучение и предложили перейти на полную ставку в поликлинике — уже не хватало врачей. В отделе кадров мне одобрили перевод, после чего начался ад.

На вызовы нам выдавали только одну пару перчаток и один респиратор — даже одноразового халата и шапочки не было. Через месяц у меня спросили, где респиратор. Я его тогда уже выбросила, но мне ответили, что он не одноразовый и я буду ходить в нем столько, сколько полагается. Я готова была ходить в нем — но не месяц, и тем более не три. В один из вызовов меня встретила злая женщина со словами: «Я 10 раз в регистратуре сказала, что у меня положительный мазок. Почему вас голожопую отправляют ко мне?»

В поликлинике была одна машина — она доставалась счастливчику. Остальные делали обход пешком. В мирное время мы обходили несколько соседних домов, а сейчас — весь район. Я получала по 30 вызовов, но не успевала обойти больше 20. Если не успевала обойти все вызовы, то писала об этом заведующему. Он штрафовал, а вызовы распределял между другими врачами. А вечером нужно еще оформлять карты и направления на мазки. Иногда идешь после семи часов вызовов в поликлинику, чтоб заполнить документацию,ходишь, не чувствуя ног, и поступает звонок из регистратуры: «Надо обслужить еще вызовок, очень высокая температурка». И ты вновь возвращаешься пешком в другой конец района, где тебе не открывают дверь, а на следующий день поступает жалоба, что врач не пришел.

Сложнее всего было со строгими правилами, которые ограничивали взятие мазков — их делали медсестры, а не участковые врачи. И когда я приходила к молодому мужчине, а он задыхался, был в панике и не понимал, что делать, я вызывала скорую. Но госпитализировать нельзя до тех пор, пока нет мазка, потому что скорая не знает, куда везти — в чистое или ковидное отделение. Такое случалось неоднократно. И ты стоишь над задыхающимся человеком и говоришь, что у него нет показаний. Его не увозят, ему страшно спать. Но когда много работаешь, особо думать обо всем этом нет возможности.

НА ПОДОБНОЕ ЖАЛУЮТСЯ МНОГИЕ ВРАЧИ

Боятся ли медики коронавируса? Насколько сильно они не доверяют начальству? Что такое «административная истерика»? Социологи три месяца изучали работу российских медиков, борющихся с ковидом. Вот что им удалось узнать

Главные сложности во время работы в пандемию были с администрацией. Начальство перестало быть начальством, они стали церберами — и о поддержке речи не шло. Сначала мне не платили надбавки [за работу с ковидом]. Моя коллега звонила с этим вопросом в министерство — нам их одобрили. Но из-за надбавок снизили зарплату — [больше] мы не получали премии и стимулирующие. Когда я работала на полставки, мне

платили 30 тысяч. На полной ставке получала те же 30 — все из-за надбавок. Если что-то не нравится, разговор короткий: «Не нравится, уходите. Это ваша работа, вы на это учились».

В июле у меня должен был быть плановый отпуск. Я сообщила об этом заведующему, но меня не отпустили со словами, что я буду работать до предела, пока коронавирус не закончится. Я позвонила в трудовую инспекцию. После этого заведующий стал писать СМС с угрозами, что я с вызовов не вылезу и буду работать сутками. Тогда я решила уволиться. Зачем мне это надо? Никакие деньги не стоят таких нервов.

Было сильное облегчение, когда уволилась. Я устала бороться со всеми. Не думала, как там остальные врачи справятся. Если бы была поддержка администрации, то я бы осталась. Но ее не было.

Сейчас я учусь в ординатуре. Раньше думала, что продолжу работать в этой поликлинике — она находится близко к дому. Теперь точно нет. Когда только устроилась, была воодушевленной, первые полгода работала с радостью. Потом меня трясло от злости и усталости. Нисколько не жалею об уходе. Когда я уходила, была нехватка врачей. Отношение начальства такое плохое, что в итоге все врачи, с кем я общалась, ушли из этой поликлиники. Практически все, кто там работает

[сейчас], — ординаторы. Врачи не справляются, на это жалуются пациенты. И жалобы обоснованные, так как люди ждут врачей по несколько дней.

Станислав Красильников / ТАСС / Scanpix / LETA

Вячеслав

медбрат, Москва

Я учусь в Сеченовском университете. С середины апреля до конца июня работал медбратом в инфекционном отделении в Университетской клинической больнице № 1. После переквалификации больница состояла

из реанимаций и отделений, где лечили коронавирус, — хотя изначально это была многопрофильная клиника со множеством разных отделений. Родители были радикально против того, чтобы я работал. Коронавирус их пугает до сих пор — это непонятно, не исследовано, лекарств, если объективно говорить, нет.

Разделение по зонам у нас было больше формальное. «Красная» — реанимация, «желтая» — стационар с 70 койками. Все двери были открыты, палаты не изолированы. Из-за этого в «желтой зоне» вирусная нагрузка передавалась даже в большем титре, чем в реанимации. Вперемешку лежали пациенты с подтвержденной коронавирусной инфекцией и пневмонией.

В штате переболели все. Думаю, во всех больницах уже 90 процентов врачей переболело или болеет прямо сейчас. Наши сотрудники валялись каждый день. Чем больше уходило, тем больше нагрузки было на остальных. Конечно, это давит: ты день за днем видишь, как угасают люди. Медикам в возрасте особенно страшно, когда они видят у себя диагноз коронавирусной инфекции. Но потом все возвращаются на работу: никто, кроме тебя, это не сделает.

Если заболел [работающий] студент, то ему не выдавали больничный — сразу увольняли, потому что студенты

подписывали срочный договор только на пару месяцев. Поэтому я не сказал, когда заболел: мне было не слишком плохо, чтобы уходить. Пять-семь дней была температура 37–38 градусов. Я закидывался парацетамолом и шел работать. Хотя у нас и мерили температуру на входе, я не видел ни разу, чтобы бесконтактный термометр правильно ее показал. Даже если у человека с улицы температура 37–38 градусов, термометр покажет 35–36. Мы сравнивали этот термометр с ртутным и электронным — в 90% случаев бесконтактный показывает температуру гораздо ниже. Но их используют, так как они экономят время.

Больно было смотреть на тяжелых пациентов — на то, как быстро они угасали. Они могли долго держаться, лежать с температурой, их организм боролся — но потом за один-два дня они выгорали. Сначала человека переводили в реанимацию, а там обычно он умирал. За время моей работы умерло пять пациентов. Мы общались, я пытался их приободрить, но терапия не приносила нужного эффекта. Смерть окружает медиков всегда, это часть работы. Если реагировать остро, можно выгореть и перестать нормально работать. Часть моих коллег морально подавлены сейчас. Но периодически это у всех бывает.

Мы не знаем, чем это лечить Как доктора и пациенты в России бьются за препараты от коронавируса — хотя они почти никому не помогают. Расследование «Медузы»

В июне нам поставили стоп-кран на поступление [новых пациентов]. Мы долечили пациентов, отделение закрыли, и я уволился. С середины сентября работаю на скорой помощи — и одновременно учусь на пятом курсе лечебного факультета. От преподавателей не хватает солидарности. В каждой группе 30% людей работает с коронавирусом, но послаблений для нас нет.

Преподаватели скептически относятся, говорят что-то из серии: «Все идут туда ради денег, а вам нужно учиться». Для них работа во время ковида связана с меркантильностью. Эти люди не контактируют с коронавирусной инфекцией — и осуждают тех, кто работает. С ними спорить бессмысленно.

В скорой помощи мы [сейчас] зашиваемся. В суточной смене может быть до 17 вызовов, больше половины — ковидные. Помимо коронавируса есть и другие вызовы: поднялось давление, переломы, много алкоголиков и ипохондриков. С койками плохо. По словам коллег, койки с людьми ставят в коридорах. Больше негде.

За месяц заболеваемость ковидом в Москве выросла в пять раз. Мы узнали, что происходит в коронавирусных стационарах Врачи говорят, что ситуация уже близка к критической, а места в больницах заканчиваются

После первой волны правительство решило, что потратило на медиков много денег. СИЗ, питание, жилье — все это было в первую волну. Во вторую волну я не слышал от коллег, чтобы им давали льготы. Остались только выплаты, из-за которых сейчас запущены всяческие проверки. Ищут способы вводить санкции и не платить медперсоналу стимулирующие выплаты. И так к большой рабочей нагрузке добавляют нагрузку сверху — кто-то там руку на пульсе держит.

Если спросить почти любого медика — только если это не лицемер или он не врач в десятом колене, — то каждый врач [сейчас] задумывается о том, чтобы бросить свое дело. Смотришь на нашу систему здравоохранения, на то, как живут медики за границей, — все становится понятно. Но у человека есть высшая потребность получать моральное удовлетворение от работы. И когда ты видишь результат работы и благодарность, на душе становится тепло.

Расул

врач стационара, Зеленоград

В январе в нашей больнице начались пертурбации. У меня медицинский стаж работы [лором] 12 лет, но зарплату начали платить как студенту. Я терпел три месяца, а потом [начался] ковид.

Мы работали только на экстренную госпитализацию, из-за чего в больнице решили, что наша нагрузка уменьшилась. Лор-службу хотели дополнительно отправить в поликлинику — ходить по ковидным больным.

Дополнительную оплату не обещали. Я узнал про условия от другого врача: в поликлинике дают один костюм, врач лепит его скотчем и ходит так весь день. В день 30–40 вызовов. Я отказался со словами, что лучше буду работать в Коммунарке, получать СИЗ и надбавки и будет контроль за моей работой. Заместитель главного врача на эти слова встал и ушел.

Мы контактировали с больными, работали в реанимации, делали операции пациентам с двухсторонней пневмонией. Или, например, поступал пациент с болью в животе. Вызывали хирурга, делали УЗИ, пациент ходил по всему приемному отделению. Потом его переводили в стационар, где брали мазок. Через три дня приходил положительный ответ — и пациента срочно перевозили в обсервацию. Так заболело все наше отделение.

Было страшно. Каждый день в отделении становилось на одного-двух врачей и медсестер меньше. Кто-то из [заболевших] коллег был дома, кто-то в реанимации. Умер молодой коллега, который перешел на 0,25 ставки, чтобы полностью не уходить, — и умер.

Смотришь на все это и представляешь, что завтра сам будешь лежать с пневмонией. Я понимал, что если заболеешь, то уже как удача будет: в легкой форме, в тяжелой или умрешь. Никто не знает.

Было страшно, но с врачебной точки зрения изолировать себя невозможно. Есть чувство долга, оно ведет: надо прийти, помочь, надо спасти, отработать, облегчить пациентам течение болезни. Я думал о том, чтобы уйти из медицины, после [очередного] тяжелого эмоционального дня и нагрузок. Но мне нравится помогать и лечить людей. Просто лечить — это самая прекрасная работа.

Если бы только не было проверяющих и администрации. [В какой-то момент] в администрации нам сказали, что официально мы не работаем с коронавирусной инфекцией, поэтому выплат не будет. Говорю: «Если в больнице нет ковида, то почему все болеют? Я что, должен умереть, чтобы получить выплаты?» Все равно отказали.

Я написал жалобу на «Госуслугах». На следующий день меня вызвали к главному врачу. Еще раз повторили, что

выплаты не положены. Я попросил официальный ответ, после чего написал в прокуратуру, президенту и в министерство здравоохранения. После этого администрация позвонила с угрозами: «Если вы не заберете докладные записки, мы на вас откроем уголовное дело».

На следующий день заведующую реанимацией заставили написать на меня донос — о том, что я не пришел на консультацию. Решили провести служебную проверку по неоказанию медицинской помощи, хотели повесить уголовное дело, вызвали на ковер, начали задавать вопросы. Когда я сказал, что они будут общаться с моими адвокатами, стало тихо. Не смогли повесить дело, потому что его не было. К тому моменту я уже написал заявление об уходе. Администрация хотела уволить меня по статье, но я подключил адвоката — и в больнице подписали все по собственному желанию.

Самое неприятное, что предательство происходит со стороны администрации, они давят на нас. Мы, коллеги, понимаем друг друга. Поэтому когда кто-то уходит, все знают, что, скорее всего, просто нашлись условия получше и надо пожелать успеха. В больницах и поликлиниках плохие условия труда, низкая зарплата, постоянное давление со стороны администрации. Врачи увольняются из-за этого, а нагрузка распределяется по оставшемуся персоналу. Кто-то не справляется

психологически. Знакомый молодой терапевт ушел работать в Коммунарку, а потом решил уйти из медицины. Я хотел помочь в трудоустройстве — но вижу, в его глазах пустота. Говорит: «Все, я не могу, я иссяк».

После увольнения я сразу же устроился в частную клинику — платят больше, график подстроили под меня. В ноябре мы с женой переедем в Дагестан. У меня там живет мама — она одна, уже переболела коронавирусом. В Махачкале республиканская больница, огромное отделение, 90 коек. Отделение берет на себя большинство тяжелых больных из районных больниц. Пойду туда на собеседование. Хочу работать в своей профессии в стационаре. Думаю, работать на родине будет лучше, чем здесь. Несмотря на то, что там количество больных превышает количество больных в мегаполисе.

«Эти цифры меня ужаснули» К чему привело занижение официальной статистики заболеваемости коронавирусом в Дагестане

В год ковида мусульмане не смогли совершить хадж в Мекку. В Дагестане вместо него верующие отправились к священной горе Шалбуздаг
Посмотрите на их паломничество

Это просто война Что происходит с пандемией коронавируса в Дагестане — российском регионе, где свадьба на 500 человек считается скромным мероприятием

Тут был медиа-файл! К сожалению, увидеть его в pdf-версии материала не получится :(

Записала **Александра Сивцова**

Мы рассказываем честно не только про войну. [Скачайте приложение.](#)

(1) СИЗ

Средства индивидуальной защиты.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Кто это?

Заместитель главного врача, ответственный за уровень оказанной медицинской помощи и правильность лечения.

[Вернуться к тексту](#)
